

началось моё более близкое знакомство с А. Я. Штернбергом, продолжавшееся вплоть до его смерти.

Главным врачом уже открытого на Волхове туберкулёзного санатория оказался Я. О. Крыжевский, которого я знал ещё с 1910 г., когда он был ночлежно-санитарным врачом, сотрудником Н. Ф. Гамалеи и К. В. Караффа-Корбута по организации санитарного надзора за ночлежными домами. Пока А. Я. Штернберг занимался исследованием больных и консультациями по поводу назначений им, я ознакомился с помещением и усадьбой санатория. Значительная часть усадьбы была занята густыми зарослями ольхового молодняка. Для прогулок больных имелась лишь небольшая дорожка на прилежащей к зданию части двора. Я попробовал в натуре наметить дорожку достаточной протяжённости и интересную по планировке. Это мне удалось сделать без большого труда. По намеченной мною трассе без особых усилий и затрат можно было с помощью самих больных создать хорошую дорожку с местами для отдыха в беседках. Мне хотелось на живом примере показать возможность организации прогулок больных и пребывания их на открытом воздухе даже в трудных условиях. К сожалению, и А. Я. Штернберг, и его ученики недооценивали значение санитарно-гигиенических условий и, прежде всего, прогулок, отдыха и занятий на открытом воздухе среди приятных и ласкающих глаз природных видов.

При осмотре Селищенских казарм (одного из самых крупных Аракевских городков) пришлось убедиться в необходимости слишком крупных затрат для переустройства их под благоустроенное современное больничное учреждение, тем более для туберкулёзных.

Февральский переворот и Октябрьская революция (1917–1918)

В связи с длительным моим пребыванием на Международной гигиенической выставке в Дрездене в 1911 г. и последующими поездками за границу, а вслед за тем начавшейся мировой войной я на довольно длительное время отошёл от активной работы в кадетской партии. Только в мае 1916 г. ЦК партии Народной свободы вновь восстановил со мной тесную связь и призвал к активным действиям. Это было обусловлено тем, что именно тогда при обсуждении хода предварительных действий по подготовке к избирательной кампании в 5-ю Государственную думу среди членов ЦК распространилась мысль об увеличении числа кадетских депутатов в этой Думе за счёт возвращения к политической жизни «выборжцев» — членов 1-й Госдумы, которых некогда лишили права вновь избираться в парламент. Возникла мысль о создании для них (т. е. нас, осуждённых по Выборгскому процессу) цензов путём амнистии или изменения соответствующих статей в избирательных законах, чтобы официально выставить наши кандидатуры. Предполагалось подготовить такие цензы для Ф. Ф. Кокошкина,

князя Д. И. Шаховского, Н. А. Гредескула, М. М. Винавера, князя Урусова¹, П. А. Садырина² и меня. Хотя быстро провести это через действующую Думу не удалось, я вновь начал активно участвовать в политических акциях кадетской партии.

Приближался 1917 год. Неудачи на фронте, постоянные дополнительные мобилизации, начавшие уже давать о себе знать продовольственные затруднения в связи с перегрузкой железных дорог военными перевозками, а затем и наступившим полным расстройством системы сообщений, — всё это вызывало глухое, всё растущее недовольство. Нарастало внимание к отражению общего неудовлетворения в речах и спорах в Государственной думе, к поискам выхода из ухудшавшегося у всех на глазах положения на фронте и в тылу. Стихийно падала в низах уверенность в устойчивости, во всесии попечительного начальства. Я помню, что даже в военном госпитале в нашей лаборатории возникали вольные разговоры с критикой правительственных распоряжений и с одобрением наиболее острых обличительных речей думской оппозиции. Однажды даже во время такого разговора один из санитаров из числа выздоровевших раненых подал реплику:

— Ничего тут не поделаешь, сам царь служит опорой всего расстройству и на фронте, и в государстве.

На эту реплику последовал ответ:

— Значит, и царь слетит, а без него дело можно выправить.

В середине февраля³ в Петербурге начались уличные собрания. Идя в санитарно-техническое бюро из своего Лесного, где я жил, я видел, как жандармы и казаки разгоняли манифестацию на Невском у Публичной библиотеки и Гостиного Двора. В 20-х числах февраля добраться из Лесного в город стало трудно, а затем и совсем невозможно — останавливались трамваи. Пришли известия, что в Государственную думу пришёл в полном порядке целый полк и отдал себя в распоряжение выделенного Думой Комитета, что в городе всюду идут собрания, в которых участвуют военные — солдаты и офицеры; что группы манифестантов арестовывают министров и пр. Я отправился в город пешком. На Сердобольской было очень нелегко пройти по Выборгскому шоссе к Сампсониевскому проспекту. Артиллерией обстреливали каменный дом, в котором засели офицеры с воинской частью, пришедшей усмирять присоединившихся к народу солдат. Густые толпы людей двигались к центру города. На Сампсониевском проспекте у Бабурина переулка с чердака дома через слуховое оконце по двигавшимся массам велась пулемётная стрельба. Она то прекращалась, то вновь возоб-

¹ Урусов Сергей Дмитриевич (1862–1937) — князь, историк, общественный деятель. Был губернатором в ряде губерний, сторонник городского и земского самоуправления, депутат 1-й Государственной думы, осуждён по делу о «Выборгском воззвании». В марте 1917 назначен товарищем министра внутренних дел. После Октябрьской революции лишён гражданских прав, восстановлен в них в 1929. Неоднократно подвергался арестам, заключению, преследованиям. В последние годы жизни работал бухгалтером.

² Садырин Павел Александрович, депутат 1-й Госдумы, из крестьян, инженер-агроном, кооптирован в ЦК кадетской партии в 1917.

³ Здесь и далее Захар Григорьевич приводит даты по старому стилю.

новлялась. Пришлось проходить, прижимаясь к стенам домов, чтобы не попасть под обстрел, как приходилось это делать на фронте, в Сольдау. Тут же образовалась дружина добровольцев, занявшая все выходы из дома и организовавшая захват полицейского, производившего обстрел. На Литейном проспекте люди двигались плотными массами по тротуарам и у тротуаров. По мостовой проносились грузовики с группами солдат, присоединившихся к народу. Их встречали приветствиями.

В санитарно-техническом бюро и областном комитете рассказывали много непроверенных слухов об аресте министров, об образовании думского Комитета. С трудом возвращался я среди той же давки домой, в Лесное. Ещё продолжался артиллерийский обстрел казармы, где засели не сдававшиеся офицеры.

Совершенно созрело у меня осознание того, что происходит революция, а не просто демонстрации. Что нужно всё, что только возможно, сделать, чтобы обеспечить условия для жизни выбившихся из привычной колеи людей. Нужно накормить эвакуированных больных и раненых в госпиталях, достать, во что бы то ни стало достать, хлеб для населения. Ведь все лавки были закрыты. Из города в Лесное, например, не было никакого подвоза.

Придя домой, я рассказал всё, что видел собственными глазами и узнал по слухам. Вместе с моею женой Любовью Карповной мы прошли по улицам Лесного. Был уже поздний вечер. Из города возвращались разрозненные группы людей, возбуждённых, охотно делившихся всеми впечатлениями дня, всем, что видели, о чём слышали. Вопрос о том, что будет завтра, забота о том, куда, как следует направлять ход событий — не занимал никакого места во всех этих рассказах.

Возвращаясь домой, мы встретили несколько отбившихся от своих частей солдат. Это были преимущественно молодые новобранцы. Днём они самовольно ушли из казармы, в которую превращена была не работавшая во время войны обойная фабрика (на Малой Объездной улице), целый день оставались без еды, а теперь опоздали и к ужину. Больше всего их мучил страх перед наказанием за самовольную отлучку и голод. Мы позвали их к себе. Любовь Карповна быстро наладила чай и мобилизовала приварок, какой только можно было сделать в поздний ночной час. Они ушли, поевши, когда уже рассветало, — эти простые деревенские парни, чрезвычайно признательные за дружеское «соседское» внимание к ним, но в то же время растерянные, с боязнью кары, которая могла их ожидать.

Становилось всё более очевидным, что совершается, происходит революционный переворот. Как неудержимо прибывающие весенние воды взламывают лёд, скывывающий мощные потоки реки, и внешние воды непреодолимо уносят глыбы и куски разбитого льда, разрушают береговые укрепления и все зимние дороги по льду, так стихия народного недовольства крушила устои государственного устройства царской России. 2 марта Николай II отрёкся от престола. Следует признать, что в ходе этих революционных событий кадеты приняли самое активное участие в формировании новых органов власти. В основном их усилиями в день отречения царя было сформировано Временное правительство и налажена деятельность его первого кабинета.

Для выполнения всей программы жизнеобеспечения населения кадетская партия считала необходимым создать соответствующие новые местные органы управления. 7 марта 1917 г. ЦК партии постановил довести до правительства сведения о необходимости выработать в срочном порядке положение о выборах в Петроградскую городскую думу на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Я был включён в комиссию по составлению законопроекта о новом городском положении Петрограда. Вместе со мною в эту комиссию вошли С. Ф. Ольденбург¹, Л. А. Велихов, Н. Н. Глебов², М. М. Новиков³ и др.

Первой заботой, вставшей перед нами, было обеспечить питание больных и раненых в госпиталях, помочь налаживанию питания детей в школах и дома, выяснить возможность восстановления и поддержания снабжения населения хлебом. Все последующие дни я был поглощён организацией совещания лесновского комитета Союза городов, лесновской комиссии благоустройства, родительского комитета в Коммерческом училище и другими «местными» делами. На собрании в Коммерческом училище с участием некоторых профессоров Политехнического института была выработана программа действий и избрана исполнительная комиссия во главе с Г. Н. Бочем, взявшим на себя обязанности наблюдения за безопасностью и устранением нарушений порядка в нашем пригороде. Кроме того, мне удалось через областной комитет Союза городов добиться подвоза для госпиталей и для снабжения населения муки и некоторых других продуктов из продовольственных запасов Союза городов.

Тем временем под влиянием реально складывавшейся в стране и в Петрограде обстановки, главным образом, того, что с созданием большевиками советов всех уровней фактически в России сложилось «двоевластие», в партии кадетов развернулась борьба за корректировку её стратегии и тактики. Первое важное изменение произошло на пленарном заседании ЦК кадетской партии и парламентской её фракции с участием членов партии из Госсовета и из прежних составов Госдумы, состоявшемся 10–13 марта. На нём было принято постановление предложить очередному съезду изменить параграф Программы, который касался формы правления в России. Вместо парламентской монархии наша партия признала необходимость установления в стране демократической республики⁴. В связи с взятием курса на создание в стране демократической республики кадеты провозгласили Временное правительство единственной исполнительной и законодательной властью страны, отведя советам лишь роль совещательного

---

¹ Ольденбург Сергей Фёдорович (1863–1934) — востоковед, профессор Петербургского университета; член Государственного совета; в мае 1917 вошёл в состав ЦК кадетской партии; министр народного просвещения во Временном правительстве.

² Глебов Н.Н. — член IV Государственной думы от кадетской партии, до Февральской революции член Государственного совета, петербургский городской голова.

³ Новиков М. М. — член IV Госдумы от кадетской партии, профессор-зоолог, последний выборный ректор Московского университета. После Октябрьской революции выслан из России.

⁴ На очередном VII съезде партии (25–27 марта по старому стилю) предложенные изменения были внесены в программу.

органа при правительстве. Главной же задачей правительства должно было стать доведение России до законно избранного Учредительного собрания. Однако несколько человек, присутствовавших на VII съезде партии, включая меня, Д. И. Шаховского и Н. В. Некрасова¹, высказались за объединение всех демократических элементов, включая, в частности, достижение соглашения с меньшевиками и эсерами. В своём выступлении Д. И. Шаховской говорил, что после того, как кадеты встали под республиканское знамя, перед нами открылись возможности для широких совместных действий, заключения блока на выборах в Учредительное собрание, различного рода соглашений с другими партиями. Однако наше предложение не было принято.

На одном из заседаний ЦК в это время было решено кооптировать в его состав меня, В. Д. Набокова и ряд других бывших активных его членов. На заседании ЦК 29 марта меня избрали в состав Агитационной комиссии по распространению партийной литературы, чтению лекций и ведению популярных бесед среди крестьян. В своём выступлении на этом заседании я предложил организовать представительство кадетской партии на предстоящем в Москве 4 апреля Пироговском съезде с целью сближения с более левыми течениями в решении продовольственного вопроса и в вопросе о форме правления².

В начале апреля я снова поднял вопрос о сближении с «левыми» на заседании ЦК. Но, несмотря на то, что меня поддержали М. М. Винавер, В. Д. Набоков, В. А. Оболенский³ и представители нескольких комитетов из провинции, руководство партии во главе с П. Н. Милюковым вновь категорически отвергло курс на сближение с другими партиями. Создание двух противостоящих в вопросах тактики группировок вызвало в партии некоторое подобие кризисной ситуации. После того, как 2 мая ЦК принял решение об участии кадетской партии в правительственной коалиции с социалистами, П. Н. Милюков подал в отставку с поста министра иностранных дел.

Несмотря на это, в самой партии Милюков по-прежнему пользовался большим влиянием, предопределявшим многие решения ЦК. В частности, из-за противодействия Павла Николаевича и его сторонников нашей группе, считавшей сотрудничество с Петроградским Советом единственным средством обеспечения мирной эволюции в России, нам не удалось добиться соответствующего решения.

Выступая за укрепление связей с меньшевиками и эсерами, я в то же время считал необходимым содействовать созданию и укреплению новых

---

¹ Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) — инженер, депутат 3-й и 4-й Государственных дум, кадет, масон; в 1909–1917 — член ЦК партии кадетов, левого её крыла. Был в составе Временного правительства. После Октябрьской революции сотрудничал с советской властью, но несколько раз арестовывался и в 1940 — расстрелян.

² Содержание выступлений З. Г. Френкеля на заседаниях ЦК см.: Протоколы Центрального комитета Конституционно-демокр. партии. В 6 томах. Т. 1, 3. М., 1994.

³ Оболенский Владимир Андреевич (1869–1950) — князь, земский деятель, депутат 1-й Государственной думы, член ЦК кадетской партии (1917).

органов местного самоуправления — городских и районных дум, видя в них противовес деятельности большевистских советов. 6 мая я заявил на заседании ЦК о необходимости разработки совместно со специалистами полной «Муниципальной программы партии кадетов», и на следующем заседании ЦК 25 мая представил ряд тезисов, которые могли быть положены в основу такой программы конкретно для Петрограда. Основой для этих тезисов послужил уже приобретённый мною к тому времени опыт практической работы, которую я вёл одновременно со своей партийно-общественной деятельностью.

Ещё в середине марта я получил предложение от только что сформированного Временного правительства (с Г. Е. Львовым¹ во главе) принять на себя обязанности помощника правительственного комиссара в Управлении верховного начальника санитарной и эвакуационной части. Комиссаром был назначен член Государственной думы В. И. Алмазов². Личные переговоры с ним показали полную возможность ликвидировать всякие верховнокомандные функции Управления и передать средства на развитие учреждений и деятельности общественных организаций земского и городского Союзов по созданию объединённых коллегиальных советов.

Приняв назначение, я получил освобождение от работы в лаборатории военного госпиталя. Систематическое подробное ознакомление с Управлением верховного начальника врачебной и санитарной части, которым руководил принц Ольденбургский, вызвало у меня изумление совершенно неоправданным объединением в одном ведомстве абсолютно не имеющих между собой ничего общего учреждений. Наряду с Институтом экспериментальной медицины в нём числились торфяные разработки или завод для изготовления клюквенного экстракта, заводы в Темрюке, крупные санитарно-эвакуационные госпитали и эвакуопункты, а также всякого рода учреждения для сверхвнезапного и сверхтайного контроля. Были даже специальные осведомительно-разведывательные организации во Франции и в некоторых других странах, содержащиеся непосредственно «Верховным начальником санитарной части», совершенно независимые от Министерства иностранных дел или военного ведомства. Было много высших чинов — генералов для особых поручений, состоявших при Ольденбургском, коротко они назывались «Ольденсосы». Все эти чины, все эти учреждения и предприятия, возникшие по изволению и приказу принца Ольденбургского, содержались по сметам и бюджету Управления начальника врачебной и санитарной части. Также по личному его изволению выдавались пособия и субсидии на содержание дополнительных должностей при санитарных, лечебных и учебных учреждениях самых различных ведомств и организаций.

---

¹ Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — князь, земский деятель, крупный помещик; депутат 1-й Государственной думы; председатель Всероссийского земского союза, один из руководителей «земгора». В марте–июле 1917 — глава Временного правительства. После Октябрьского переворота — белоэмигрант.

² Алмазов Василий Иванович (1857–?) — земский врач, надворный советник, член Саратовской городской управы (1905–1910), член 4-й Государственной думы. Тесть академика АН СССР А. Н. Бакулева.

Легко было в первые же дни ликвидировать штаты состоящих лично при Верховном начальнике генералов. Все они, тотчас же, были откомандированы в военное ведомство. Легко было расформировать или передать в Управление железных дорог целый личный поезд, всегда стоявший наготове для принца Ольденбургского, или передать для обслуживания нужд госпиталей 12 из 14 легковых автомашин, числившихся при Управлении верховного начальника. Но, лишая поддержки учреждения и предприятия или ликвидируя их, как бы ни были случайны причины их возникновения, нужно было самым внимательным образом изучать каждый конкретный случай, чтобы решить, что сделать с учреждением, куда его передать и т. д. Пришлось создавать комиссии с включением в них надёжных сведущих людей. Я старался личным осмотром учреждений, подробным выяснением дела на совещаниях со всем низовым персоналом и рабочими предварительно готовить вопрос для окончательного его решения в созданном, с согласия В. И. Алмазова, коллегиальном органе — «Совещании при Комиссаре Верховного управления санитарной части».

По просьбе руководства противочумными лабораториями я выезжал на фронт, где были развёрнуты эти лаборатории; несколько раз был на заводе по изготовлению клюквенного экстракта и уксусной кислоты; много времени затратил на изучение всех отраслей хозяйства по разведению и обработке лекарственных растений, по добыче сырья для получения препаратов бора, брома, йода, серы, фосфора. Всё это я делал раньше, чем могло быть принято решение о передаче в надёжные руки соответствующих предприятий и о ликвидации ненужных расходов.

Особой осторожности требовали дела по отпуску средств на содержание госпиталей, лазаретов и других военно-санитарных учреждений на фронте и в прифронтной полосе. Кто только не являлся с ходатайством о выделении средств на содержание больных и раненых воинов! Все эти дела и ходатайства рассматривались у нас непременно в совещании с участием работников финансовой части и представителей соответствующих учреждений. Сметы приходилось освобождать от всяких скрытых преувеличений и ненужных «штатных единиц», а самые учреждения передавать при всякой возможности в ведение общественных организаций.

Мало-помалу окрепли и приобрели значительный авторитет периодические совещания при комиссаре Верховного управления для обсуждения вопросов организации в центре и на местах всего врачебно-санитарного дела. В состав этих совещаний были привлечены представители Управления главного врачебного инспектора, земского и городского Союза, губернских врачебно-санитарных организаций, правления Пироговского общества и пр. Персонально представителями были А. Н. Сысин¹ (Союз городов), П. Н. Диатроптов (Пироговское общество), Н. Н. Бурденко и др. Председателем совещаний был Алмазов. На этих совещаниях был разработан проект замены комиссара Временного правительства кол-

---

¹ Сысин Алексей Николаевич (1879–1956) — гигиенист, один из организаторов и первый руководитель санитарно-эпидемиологического дела в СССР, академик АМН СССР.

легиальным выборным органом — Центральным врачебно-санитарным советом. Для избрания его был созван Всероссийский съезд представителей местных и центральных общественных врачебно-санитарных советов и врачебно-санитарных организаций. Съезд состоялся в августе во дворце Ольденбургского — у Летнего сада. Председателем Центрального врачебно-санитарного совета был избран П. Н. Диатроптов, заместителями председателя — я и Н. П. Василевский, секретарём — М. Г. Рафес¹. В постоянное бюро Центрального врачебного совета были введены представители крупнейших врачебно-санитарных организаций (Бурденко, Сусин и др.).

П. Н. Диатроптов, Л. А. Тарасевич² и я были уполномочены съездом изложить перед Временным правительством единодушное постановление Всероссийского съезда о замене комиссара Временного правительства, совещания и управления при нём Центральным врачебным советом, избираемым на Всероссийском съезде представителей общественных врачебно-санитарных организаций, с возложением на президиум съезда в составе председателя, двух его заместителей и секретаря, а также членов постоянного бюро всех прав, обязанностей и задач, которые лежали на назначенном комиссаре Временного правительства по Управлению верховного начальника врачебно-санитарной части.

Временное правительство в это время стояло за учреждение отдельного Министерства народного здравоохранения. Поэтому вопрос об учреждении вместо этого предполагаемого министерства Центрального врачебно-санитарного совета, опирающегося на авторитет и доверие общественных объединённых врачебно-санитарных организаций, был передан на решение юридической комиссии.

На заседание юридической комиссии Временного правительства, проходившее в Мариинском дворце, были приглашены как представители Центрального врачебного совета Диатроптов, Тарасевич и я. Докладывавший дело председатель комиссии, от лица Временного правительства заявил, что передача всех функций, лежащих на комиссаре Временного правительства и на Управлении верховного начальника санитарной части, Центральному врачебному совету, не назначаемому правительством, а избираемому независимыми от правительства съездами общественных организаций, совершенно невозможна. Это, якобы, несовместимо с государственно-правовым началом полноты ответственности, лежащей на правительстве. Вслед за Владимиром Дмитриевичем Набоковым ещё более категорически отрицательно высказались против Центрального врачебного совета один за другим численно преобладавшие в комиссии юристы и учёные — представители го-

---

¹ Рафес М. Г. — врач, меньшевик, член ЦК Бунда, перешедший затем к большевикам. Активный участник установления советской власти на Украине; в 1920-х секретарь Дальневосточного бюро Исполкома Коминтерна; в 1930 назначен директором учебного комбината Магнитостроя; автор многих работ по истории еврейского революционного движения в России.

² Тарасевич Лев Александрович (1868–1927) — микробиолог, один из организаторов борьбы с эпидемиями в годы Гражданской войны, академик АН УССР.

сударственного права — Нольде¹, Кокошкин и др. Ни П. Н. Диатроптов, ни Л. А. Тарасевич не желали выступать против авторитетных юристов и считали вопрос провалившимся во Временном правительстве.

Вся тяжесть защиты проекта и концепции Центрального врачебно-санитарного совета легла на меня. Я был совершенно убеждён, что в интересах бесперебойной работы всей системы санитарно-эвакуационного и противоэпидемического дела на фронте и в тылу, в очевидных интересах раненых и больных воинов необходимо строить управление и развитие врачебно-санитарной работы, опираясь на единые врачебные местные советы. С полным сознанием своей правоты я заявил, что реальные жизненные интересы населения, ограждение страны от эпидемий и обеспечение медицинской помощи в конкретных условиях времени, при неустойчивости самого Временного правительства, требуют возложения всего здравоохранительного дела на избранный Центральный врачебно-санитарный совет, опирающийся на местные такие же советы и организации. Интересы самого дела не могут приноситься в жертву юридическим соображениям; существо не должно страдать от недостаточного умения и гибкости юридической мысли, неспособной найти соответствующую обобщённую формулировку под фактически уже существующее учреждение, отвечающее запросам условий времени. Я сослался на плодотворную практику губернских врачебно-санитарных советов в передовых губернских земствах. На слишком самоуверенное и заносчивое заявление профессора барона Нольде о юридической безграмотности принятия Центрального врачебного совета в систему правительственных органов, я ответил твёрдым и решительным требованием к юристам — не вредить большому жизненно важному для населения делу, а показать свою «грамотность» по существу, в понимании живых жизненных явлений и своё умение подчинять форму содержанию. С огромным удовлетворением мы, уполномоченные Центрального врачебного совета, услышали заключение председателя (В. Д. Набокова), что юридическая комиссия не будет возражать против предоставления Центральному врачебному совету полномочий и кредитов, которые предоставлялись комиссару Временного правительства.

Как ни был я поглощён своими профессиональными делами, я не оставял в течение всего этого бурного лета 1917 г. и политической деятельности.

В середине июня на заседании ЦК кадетской партии вновь был поставлен вопрос о её коалиции с другими партиями. Милюков требовал выхода кадетов из коалиционного правительства, ссылаясь на то, что зависимость министров-социалистов от Петроградского Совета мешает Временному правительству стать «твёрдой властью». Я же в своём выступлении вновь указал на принципиальную разницу между меньшевиками и эсерами, с одной стороны, и Лениным — с другой, в связи с чем коалиция с первыми казалась мне вполне допустимой. Но и на этот раз моя точка зрения была

---

¹ Нольде Борис Эммануилович (1876–1948) — барон, профессор, юрист, директор 2-го департамента МВД, товарищ министра иностранных дел в царском и Временном правительствах; главный консультант кадетской партии; с 1916 — член её ЦК.

признана «соглашательской». Изрядная часть кадетского руководства призывала усилить давление на «соглашателей» и требовала даже насильственного установления диктатуры партии Народной свободы. Решено было разделить территорию страны на округа, возглавляемые кадетскими комиссарами, которые должны были противостоять советам. 19–20 июля на заседании ЦК обсуждался вопрос о возможности установления открытой кадетской диктатуры. Но среди большей части членов ЦК возобладал голос разума. Я был среди тех, кто вновь высказался за сохранение пока коалиции, так как брать на себя полную ответственность за управление страной, не имея прочной поддержки в армии и на флоте, было бы, по моему мнению, безумием. Я продолжал заниматься конкретными делами, направленными на оказание реальной помощи населению.

Ограждение населения от опасности распространения эпидемий, охрана здоровья, предупреждение болезней и помощь больным — это настолько очевидные для всех неотложно-первоочередные и общепризнанные, постоянные нужды и задачи, что всю область организации общественного санитарного дела в период острой политической борьбы нужно было, как я был убеждён, изъять из подчинения и оградить от влияния партийно-политической розни и непримиримой политической борьбы. Огромным достижением Всероссийского съезда врачебно-санитарных организаций и учреждённого на нём Центрального врачебного совета я считал организацию коллегиальных авторитетных органов для координирования и ведения всего здравоохранения, включая и обслуживание военных и эвакуационных госпиталей во всей стране, на общественных началах.

11–12 августа ЦК партии Народной свободы собрался в Москве. На этом заседании обсуждались вопросы о войне и мире, о власти. Я старался привлечь внимание к насущным нуждам народа и вновь обосновать важность конкретных мероприятий. Многие мои коллеги по партии продолжали надеяться на восстановление порядка в стране путём укрепления существующего правительства. Я же в своём выступлении настаивал на том, что нельзя совмещать самостоятельность областного самоуправления с подчинённостью различным органам власти на местах. Правительство не может оставаться зрителем. «Обилие “комиссаров”¹ всех спутало; нам нужен губернатор, стража, — говорил я. — Я боюсь милиционера. Наш старый строй управления — не карточный домик...».

При обсуждении в ЦК политического положения, сложившегося к 20 августа, я предупреждал, что большевики что-то готовят: в Кронштадте требуют раздачи запасного оружия и боевых патронов для каких-то выступлений².

---

¹ Захарий Григорьевич имел в виду, что комиссаров на местах имели и кадеты, и советы.

² О том, что происходило в Кронштадте, Захарий Григорьевич мог узнать от служившего там генерала Александра Николаевича Козловского, с которым Френкель дружили семьями. Впоследствии, в 1921, генерала обвинили в причастности к руководству антибольшевистским мятежом. Но ему удалось скрыться и по льду Финского залива перебраться в Финляндию. Семья Захария Григорьевича помогла перебраться туда к нему одной из его дочерей. Остальные же члены семьи Козловских были репрессированы и многие погибли.

Вскоре после Всероссийского съезда врачебно-санитарных организаций, однако, на Украине стало давать о себе знать всё возраставшее украинское сепаратистское националистическое движение. Появились признаки угрозы возникновения розни в объединённых санитарных организациях. Когда в Петрограде было получено уведомление о созыве в Киеве в половине октября 1917 г. 1-го Всеукраинского врачебно-санитарного съезда, мне казалось безусловно необходимым участие в нём представителя Центрального врачебно-санитарного совета, чтобы при принятии на Украине национальных форм работы (например, переход на украинский язык в делопроизводстве и издательском деле) сохранить по существу единство общественного направления и содержания самой санитарной деятельности, единство основных начал и задач строительства системы здравоохранения.

П. Н. Диатроптова в Петрограде не было. Он окончательно переехал в Москву. Мои товарищи по Врачебному совету настаивали, чтобы в Киев поехал я. Я приехал в столицу Украины накануне открытия съезда. Остановился у своего друга ещё по 1-й Государственной думе — Л. Н. Яснопольского¹. Летом 1916 г. он работал в Петербургских финансово-статистических учреждениях, а поскольку в то время Любовь Карповна с детьми были в Судаче, у меня были свободные комнаты в нашем доме в Лесном, и Л. Н. Яснопольский в течение двух-трёх месяцев жил у нас с молодой женой и ребёнком. Он приглашал меня, если я буду в Киеве, остановиться у него. Воспользовавшись этим приглашением, так как в то время в Киеве о месте в гостинице нечего было и думать, я остановился у него.

На съезде, проходившем в здании университета, сколько помню, господствовала украинская речь. Распорядительницы в украинских костюмах просто и непринуждённо давали ответы на мои вопросы, говорили и заполняли листки на чудесном украинском языке, к которому так привык я с раннего детства и который отзывался во мне чем-то родным, тёплым. Собрание открылось и велось на украинском языке. Своё приветственное слово от Центрального врачебно-санитарного совета я, однако, говорил на привычном мне, да и всем собравшимся, — русском. Главным содержанием моего выступления было обоснование необходимости направить все усилия на укрепление и широкое развитие того общественно-санитарного направления, начала которого были выкованы в совместной борьбе на всероссийских пироговских съездах, которое развивалось, преодолевая тёмные силы царского абсолютизма, помещичьей реакции и мертвящего бюрократизма, которое жило и крепло в Херсонской, Харьковской, Екатеринославской, Подольской организациях. Эти же выпестованные практической работой начала пробилась к жизни в молодой Полтавской и Киевской санитарных организациях, как и в Костромской, Рязанской и Калужской, и теперь должны укрепиться и идти к широкому расцвету в объединённой украинской, как и в нашей общей российской организации, — с объединёнными областными и местными врачебно-санитарными советами и с Центральным советом. Радостно было, что на съезде не обнаружилась

---

¹ Яснопольский Леонид Николаевич — юрист, специалист по политэкономии; один из основателей русской национальной финансовой школы.

какая-либо рознь и не выпячивался узкий украинский национализм. В следующие дни работа сосредоточилась в комиссиях.

Мне захотелось воспользоваться свободными часами, чтобы навестить моих сестёр в родовом хуторе Попенки, если бы удалось достать для поездки автомашину. Последний раз я был в Попенках в 1910 г. С тех пор прошло уже семь лет, и кто знает, представится ли ещё когда-либо возможность повидать старших сестёр, продолжавших жить в родительском доме после смерти отца.

Я рассказал о своём желании Леониду Николаевичу Яснопольскому. Он посоветовал обратиться с просьбой дать на несколько часов машину к стоявшему во главе транспортной санитарной службы доктору Тритишелю. Я вспомнил о моём дрезденском с ним знакомстве. По телефону я попросил доктора Тритишеля предоставить мне для поездки за 50 км автомашину, разумеется, только в том случае, если это не связано для него с какими-либо неудобствами.

Ранним утром следующего дня я выехал на машине через Дарницю по Черниговскому шоссе до Гарбузина, а там по просёлку, по которому столько раз приходилось пешком «прогуливаться» в давние годы юности, и вскоре мы выехали к Попенкам.

Странное чувство какого-то волшебства испытал я, подъезжая к нашему дому. Ведь я привык, что из Киева к нам нужно было ехать целый день. Всю ночь на пароходе, а потом несколько часов на лошадях. А тут — не успели мы выехать на машине из Киева, как уже повернули из Гарбузина на просёлок и сразу уже в Попенках!. Это было такое же чувство чего-то сверхестественного, как то, которое я испытал несколько лет спустя, когда из Сочи, вместо того, чтобы двое-трое суток добираться по железной дороге до Москвы, я на самолёте, вылетев утром, после обеда был в Москве и ездил в метро.

В момент, когда я так нежданно-негаданно вошёл в попенковский дом, старшей сестры Веры дома не было. Она не вернулась ещё из школы, в которой была учительницей. Земская школа в Одинцах находилась километрах в четырёх от Попенок. Ходить туда и обратно пешком ежедневно — это был немалый труд, но на машине для этого понадобилось не более десяти минут. Эта неожиданная встреча была такой светлою радостью! С любовью показала Вера мне свою школу, отпустила детей, и мы направились домой. В моём распоряжении оставалось не более двух часов. Они пролетели незаметно за обедом в разговорах о новых деревенских настроениях, о смутных, неясных перспективах ближайшего будущего, о тягостях надвигающейся осени и зимы. Сестре было уже почти 60 лет. Но она была полна энергии, бодрости и надежд.

К вечернему заседанию съезда я успел вернуться без опоздания. Следующий же день провёл у Авксентия Васильевича Корчака-Чепурковского, который в то время очень много внимания отдавал украинскому культурно-национальному движению. В его семье в домашнем обиходе была украинская речь, но я говорил так, как и раньше всегда при встречах с Авксентием Васильевичем, пользуясь привычной русской речью. С большим удовольствием познакомился я в тот раз с детьми (сыном и дочерью) Корчак-

Чепурковского, с которыми встретился затем только через 20 лет, когда они были уже видными работниками гигиенической науки и санитарной статистики.

Возвращение в тогдашний Петроград в двадцатых числах октября запомнилось мне на всю последующую жизнь. С большим трудом удалось пробиться на своё место в набитом до отказа вагоне. Но в пути, особенно в Могилёве, а затем в Витебске двигавшиеся в Петроград самодемобилованные не просто переполнили вагон, забили все проходы, но заполнили даже уборные, входные площадки, ступеньки и крыши вагона. Не было никакой возможности двинуться с места, не говоря уже о том, чтобы воспользоваться уборной. В такой обстановке благополучный приезд, наконец, в Петроград показался прямо каким-то чудесным спасением...

За время моего отсутствия прошло несколько заседаний ЦК кадетской партии. В соответствии с принятыми на них решениями кадеты вошли в состав Временного совета Российской республики (Предпарламента) — представительного органа всех российских партий до созыва Учредительного собрания¹. В этом совете кадеты получили большую часть мандатов. Среди избранных в него оказался и я.

В Предпарламенте были созданы различные комиссии по выработке мер для борьбы с анархией, по обороне, иностранным делам, продовольственная, по урегулированию труда и хозяйства, санитарная и др. Но основной целью Предпарламента было, конечно, предотвращение вооружённого восстания, революции.

На заседании ЦК 1 октября, когда обсуждался порядок выборов и выдвижения кандидатов в Учредительное собрание, было предложено выдвинуть мою кандидатуру либо от Чернигова, либо от Вологды. Но и Учредительное собрание постигла та же участь, что и Предпарламент. Оно было разогнано большевиками.

Много усилий и времени отнимала у меня и работа в качестве гласного Центральной городской думы Петрограда, куда я был избран от пригорода столицы — Лесного. В Городской думе я старался, по мере своих сил, добиться решения всё тех же проблем, что и в совете при Временном правительстве, то есть организации снабжения населения столицы продовольствием и оказания ему медицинской помощи; обеспечения в городе порядка. В условиях фактического двоевластия и не прекращающейся политической борьбы между фракциями различных партий достижение этих целей требовало огромных усилий². Этому муниципальному органу приходилось решать проблему городского бюджета, сбора налогов, повышения квартплаты для изыскания средств на городское хозяйство, на содержание больниц, госпиталей и лазаретов, на приобретение тёплых вещей для бедных и раненых и т. д. Бурные дискуссии между представителями различ-

---

¹ Был распущен большевиками 25 октября 1917.

² Тексты выступлений З. Г. Френкеля на заседаниях в городской думе см.: Стенографические отчёты Петроградской городской думы созыва 1 августа 1917 г. Т. 1–3. Единственный сохранившийся машинописный экземпляр хранится в Отделе рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки в Петербурге.

ных фракций проходили на заседаниях, посвященных обсуждению работы Всероссийской комиссии по выборам и результатов выборов в Учредительное собрание. Следует отметить, что наиболее активно и наступательно вели себя в думе большевики — А. В. Луначарский, Д. З. Мануильский¹, М. И. Калинин² и др. Вопросов и проблем было столько, что дума заседала не только днём, но часто и ночи напролёт.

Запомнился драматический момент попытки полного разгона думы 20 ноября 1917 г. Во время заседания, на котором обсуждался вопрос о безработице, прямо во время выступления одного из гласных вдруг раздался сильный шум и зал заполнился матросами и красногвардейцами с ружьями наперевес. Вооруженные люди демонстративно щёлкали затворами. Не испугавшийся председательствующий призвал аудиторию к спокойствию, и выступавший оратор начал было продолжать свой доклад, но вторгшиеся военные вновь подняли сильный шум, крича: «Разойдитесь! Разойдитесь!», из-за которого слушание выступавшего стало невозможно.

Потрясая револьвером, командовавший отрядом матрос потребовал, чтобы все вышли. Оратор попробовал объяснить ему, что дума обсуждает важный вопрос о мерах борьбы с безработицей, которая, между прочим, грозит и солдатам, когда они вернутся с фронта. В ответ матрос заявил, что он действует по предписанию Военно-революционного комитета, который приказал немедленно прекратить заседание и очистить помещение думы. В противном случае, уже через 5 минут они применят оружие. После этого председателю не оставалось ничего, как предложить гласным разойтись. Хотя многие из гласных отказались подчиниться декрету о роспуске Городской думы и некоторое время продолжали проводить нелегальные заседания, однако в силу разворачивавшихся в столице и в стране, в целом, событий 10 января 1918 года дума прекратила своё существование³.

Одновременно с Центральной городской думой большевики угрозой оружия приступили к разгону и всех районных дум, в том числе, и нашей

¹ Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959) — член КПСС с 1903. В описываемый период являлся членом Петроградского ВРК. В дальнейшем секретарь Исполкома Коминтерна (1928–1943); в 1944–1953 зам. председателя Совета народных комиссаров (Совета министров), член ЦК КПСС в 1923–1952; депутат Верховного совета СССР в 1937–1954; академик АН УССР (1945).

² С. М. И. Калининым Захарий Григорьевич был знаком с первых шагов своей общественно-революционной деятельности в Петербурге в 1899. (см.: Приложение № 5). По воспоминаниям его старшей дочери — З. З. Шнитниковой, изложенным в её письме к Г. М. Маленкову в январе 1955, летом 1917, когда Временное правительство пыталось арестовать лидеров большевиков, М. И. Калинин скрывался у работавшего в этом правительстве З. Г. Френкеля в его доме на «Полоске». И позднее, когда они вместе работали в Лесном, Калинин часто приходил к Захарии Григорьевичу «советоваться и учиться приёмам общения и руководства массами» (Упомянутое письмо хранится в домашнем архиве Самофалов).

³ Деятельность думы фактически не прекратилась: после перевыборов, организованных советскими властями 28 ноября, дума работала в другом составе (председатель — А. Н. Винокуров). См.: Петербургская городская дума. 1846–1918. СПб., 2005. С. 372–374.

лесновской. Не имея сил противостоять вооружённому насилию, после нескольких попыток ареста гласных, районные думы также вынуждены были прекратить свою работу. Вся муниципальная власть в Петрограде окончательно перешла в руки советов.

В феврале 1918 г. я формально передал дела Центрального врачебно-санитарного совета уполномоченным Совета народных комиссаров из Смольного, в числе которых были, насколько могу вспомнить, С. И. Мицкевич¹ и М. И. Барсуков², и полностью переключился на работу в Областном комитете Союза городов.

---

¹ Мицкевич Сергей Иванович (1869–1944) — историк, публицист, один из организаторов советского здравоохранения, врач; социал-демократ с 1893, большевик.

² Барсуков Михаил Иванович (1889–1974) — один из организаторов советского здравоохранения, руководитель санитарного отдела Петроградского ВРК.